

Сов. культура - 1989 - 14 мая - С. 12.

ОН ВЫХОДИТ на эстраду — один, с пачкой влохмаченной бумаги вместо режиссуры и декораций. Его творческая жизнь связана со сценической работой: залы, гастролы, аплодисменты. Его не очень печатают, его больше знают понаслышке — по пленкам, по редким телевстречам, чем по книгам. Тем важнее утвердиться: я — писатель. Мое дело — литература. К эстраде отношения не имею, живу сам по себе.

Конечно, сам по себе. Но, мне думается, к литературе Михаил Жванецкий имеет не больше отношения, чем к эстраде. Обстоятельства жизни, витавшие над ним из сферы печатного слова, только выявили и обострили природу редкостного на сегодня таланта: не писательского — сказительского.

Скоморох ближе к Жванецкому, чем новеллист и фельетонист. Михаил Михайлович — человек, сохранивший дар заниматься словесностью без посредничества Гутенберга.

Жванецкого мы слушаем — даже тогда, когда читаем. Почти невольно, но неизбежно к бумажным словам подключаются живые тона автора — быстрые, вездливые, хорохористые. Мы про себя расставляем акценты, стараемся вспомнить: как сам Жванецкий смакует и атакует фразу. «Всеобщая атмосфера вздрюченности» — это невозможно произнести, помимо Жванецкого. И более того: не раз наблюдал, как человек (и на сцене, и в быту) подключает к собственной шутке до восторга знакомые интонации. Цитированию подлежат не столько тексты, сколько способ их произнесения. Попробуйте, смеясь ради, прочитать «по-жванецки» любой текст — от инструкции по тушению пожаров до бывшего морального кодекса бывшего строителя коммунизма. Очень лихо получается.

«Писатель» — гордое слово, благородное дело. Но именно в силу разрыва между печатным текстом и личностью (куда вклиниваются: редактор, цензор, бухгалтер издательства, партийная организация творческого союза и проч., и проч.) литература способна стать постыдной фикцией, насквозь управляемой и бездушной.

Сказать о М. Жванецком «писатель» — так же недостаточно, как о В. Высоцком — «поэт-песенник». В один ряд эти имена поставлены далеко не случайно.

Между тем, что печатается и что проговаривается, поется в стройном хоре и затягивается в дружеском застолье, всегда существует разрыв. В худшем (и для нас очень), привычном случае срабатывает известный лозунг: «На службе верю, дома нет». Но даже если «официальная» и «домашняя» позиции совпадают — что для человека порядочного и непугливого как бы даже подразумевается, остается разрыв интонационный. Петя «для себя» и «для всех» одним и тем же голосом невозможно. Одну и ту же правду человек на трибуне и в кругу семьи будет объяснять по-разному — если, конечно, он не чокнулся от гласности.

Отказавшись от деления мира на «своих» и «чужих», мы тем самым снимаем разницу между творчеством для других и жизнью для себя. Именно этим, начав со стилизаций «блатной песни» («В наш тесный круг не каждый попадал...»), занимался Владимир Высоцкий. Он ввел поток естественной, будничной речи в канонизированное русло массовой песни. Борьба языка и канона — это и есть содержание, которое придает смысл самым, казалось

бы, легковесным его зарисовкам.

Он вечно хотел печататься, вступить в Союз писателей — не легальный признания ради. Высоцкий рвался в рукопашную, в ближний бой на чужой территории: на территории литературы, бумажного слова, негостеприимной рукописи.

В том, что от него отгораживались, была своя охранительная правда. Узаконив песню Высоцкого как явление искусства, необходимо пересматривать самые основы «писательства» в привычном смысле. То же самое — с Михаилом Жванецким.

...Искусственные фрукты в вазе по-своему очень красивы. Но попробуйте поло-

лее талантливо, чем прочие, писателя-сатирика из общего ряда и запустив на его собственную, необыкновенную вилитературную орбиту.

С горькой гордостью осмелюсь заявить: остальные пять шестых обитаемой суши не могли и помыслить ничего подобного. Нужно было пережить наш исторический опыт. Нужно понять, почему слово «колбаса» становится символом общественного благополучия. Нужно услышать, как бюрократический жаргон и пузыристая уличная скороговорка колоритно на развалинах великого и могучего словаря Даля. Только тогда оценим по достоинству присказку Жванецкого: «А

от титанического макания) плоскости армейским строем маршируют Мысли под развешивающимися флагами. Надо всем этим воздымается перо, с конца коего падают капли крови... Сальвадор Дали падает в обморок.

«За некоторые поиски логики в действительности считается сатириком...».

Приняв эту классическую фразу не за кокетство (хотя временами Михаил Михайлович довольно кокетлив), а за манифестацию творческого метода, мы с удовлетворением обнаружим: мир в изображении Жванецкого не более смешон, чем доступная нашему собственному взгляду картина жизни. Она документально точна: все дело в ра-

успешно борется с производством продуктов для питания и обуви для ног...» К словам, перемолотым официальной речедробильной и потерявшим естественный смысл, Жванецкий безжалостен: он вцепляется в них мертвой хваткой и тербит, тербит, тербит...

Одна из лучших его старых вещей пеликом построена на раздраковании совершенно невинного оборота: «Пока у нас еще не...» Тем, кто не слышал это «пока еще не...» десять тысяч раз по любому жизненно интересному поводу, не объяснишь ни ярость автора, ни благодарный восторг аудитории.

Другой постоянно блестящий ход — перевод простой и верной мысли на суконый язык: игра со штампом по хоккейному принципу «пас от борта». «За что боролись! Это «за что боролись» очень мешает своим боевыми воспоминаниями наладить трудовую мирную жизнь...» Смысл, в сущности, банален, но изящество, с которым в игру вовлекаются неодушевленные казенности противника, великолепно.

Может быть, это и есть самое ценное: наслушавшись Жванецкого, человек потихоньку перестает доверять казенщине в самом себе. Слишком нелепо это со стороны выглядит.

Жванецкий играет словом: в принципе это предсудительно, но те слова, которые он выхватывает и проверяет на излом, лучшего и не заслуживают. Проблема в другом: сохранились ли еще слова, требующие к себе более доверительного отношения?

Главное открытие, сделанное Михаилом Жванецким: существование в неформальной взвеси, которую являют собой и наш быт, и наш социум, и наша размагничная неубедительность, но настоятельными пропагандными внедрениями мысль, имеет свои законы. Законы эти несутся, но действительны. Определить место человека в мире через систему ближних и насущных связей — семья, работа, рынок (с постоянной поправкой на вездесущий официоз), Жванецкий блестяще доказал: бюрократия — это не система. Это стихия. Как и любая стихия, она неуправляема, но предсказуема.

Единственный шанс освоиться от несурзности, возведенной в ранг жизненного закона, — это задавать простейшие вопросы. Такие, от которых не отвертеться ни канцелярскими штампами, ни бытовыми нечленораздельностями. «Когда у нас (то есть у них) появляется первая клубника? — В шесть утра». И все встает на свои места. И есть надежда.

Поэтому добавил лишь одно. «Феномен Жванецкого», порожденный интеллектуальными и бытийственными парадоксами эпохи застоя, имеет для нашего времени огромное значение. Жванецкий едва ли не в одиночку несет сегодня ту общественно-воспитательную нагрузку, которую до него с трудом выдерживали безымянные и бесчисленные творцы социально-политического анекдота. Несмотря на его неуклонно возрастающее личное социальное благополучие, думаю, что Жванецкому приходится намного труднее, чем раньше. Это очень нелегко: учить смеяться людей, одержимых невротической серьезностью и пафосом борьбы за немедленную победу истины.

Но Жванецкий продолжает свой героический труд.

Александр
СОКОЛЯНСКИЙ.

Фото Б. Кремера.

ПОРТРЕТ

КТО СМЕЕТСЯ ПОСЛЕДНИМ

жить рядом с ними настоящее яблоко...

То, что Высоцкий воспринимал как трагедию, Михаил Жванецкий осознает как уморительную данность (именно «уморительную»: смешно — просто до смерти). Высоцкий полыхал пламенем — Жванецкий сверкает фейерверком. Высоцкий проламывал стену — Жванецкий ее не замечает: границы между искусством и естеством, публичностью и интимностью, репризой и беседой преодолеваются, как бы резвясь или играя. Идет работа не в прорыве, а в самой точке пересечения двух речевых потоков, двух культур: высокой литературы и жеваной, неоформленной (но вследствие неоформленности — и неуправляемой) житейской болтовни. Стихотворение в прозе — и анекдот.

Если что-то и заставляет меня вспоминать времена Л. И. Брежнева с ностальгическим трепетом, — это анекдоты. Сколько их было — и каких! Блестящие, ядовитые каламбуры, неотразимые сарказмы, резкие и смачные остроты...

Анекдот был экологической нишей вольного слова, «зеленой зоной» в насквозь продымленном городе. Он не заменял собою правды и даже не вырабатывал иммунитета к вранью — существовал на правах обособленной площадки, парка отдыха от официозной культуры. Анекдот был безликий и ничей («одна бяка рассказала...»), а значит, всеобщий. Он стирал сословные границы, объединял академика и грузчика. Общество не пыталось лечить свои раны, но до зуда, до сладострастной истомы расчесывало их острыми шпильками.

Расцвет официального, скучного вранья был и расцветом неофициального остроумия. «Москва — Петушки» В. Ерофеева, «Жизнь и приключения солдата Ивана Чонкина» В. Войновича, «Остров Крым» В. Аксенова написаны тогда. Лучшие песни Галича, Высоцкого, Кинма спеты тогда. И это же время породило Михаила Жванецкого, вырвав обыкновенного, несколько бо-

лот некоторые еще спрашивают: откуда вы темы берете?»

Михаил Жванецкий — наш советский Сэмюэл Беккет. В сущности это очень показательно, что театр абсурда не пустил у нас крепкие корни. Да и зачем, спрашивается? Для того чтобы абсурд стал явлением искусства, ему нужно осознать себя логической невозможностью, требующей особого внимания, надо заключить себя в рамку, заявить о себе как о трагическом несоответствии жизненному порядку.

Два примера, нарочно взятых из несоприкасающихся слоев литературы. Рецензируя роман о 30-х годах, знаменитый француз восторгался тем, как в сугубо реалистическое повествование вторгаются элементы сюрреалистической образности: о этот гротескный музейный сторож, который выпивает раствор из банки с заспиртованным пресмыкающимся — какая смелая гипербола, как в этом невообразимом жесте отражается параноидальный ужас надвигающегося тоталитаризма... Автор пришел в ярость: «Кто гротескный? Чего отражается? Ведь мы же вместе пили...»

На чужой взгляд наши привычные дела кажутся абсурдом, невозможностью. Жванецкий это засек и отчеканил: «Получается замкнутый круг, разомкнутый в виде прямой, на обеих концах которой мы и восседаем». В то же время можно создать абсурд из привычного и даже освященного. Цитирую попавшиеся мне на глаза стихи, посвященные одному из музеев великого человека.

...Вот стол его, где он хранил блокноты,
Перо, что он макал в свой пот и кровь.
От этой титанической работы
Сгибался стол и распрямлялся вновь.
Шли по нему в расцветной ранней сини
Шеренги мыслей, вскинув вымпела
Свободы...

Стоп. На бледно-синем фоне по пульсирующей (сгибающейся — разгибающейся

курсе. Как говорят в Одессе: «Если встать на крышку люка, то увидишь...»

Комические искажения природы могут быть забавны — и только. Опасной силой пародия и карикатура становятся тогда, когда обнаруживают пугающее сходство с прототипом. Когда, глядя на вымышленного, не можешь отделяться от мысли: а может быть, он сам — карикатура?

Пожалуй, главная разница между М. Жванецким и писателями-сатириками в том, что Жванецкий не ищет конденсированных форм, ступок комизма, работает с шершавым, незаостренным словом. Его внимание обращено не к характерной аномалии, а к норме. «Как это делается!..» Вот именно так, как сказано.

Он — остроумец, запрещающий себе быть острошловом. Назвать государство «страной вечнозеленых помидоров» острошловом было бы не по плечу. Но именно потому, что не острошлов (мы смеемся не острошлом, а чему-то другому: «Нас вели особым путем. В сторону от всего человечества», — что это, острошлом?), Жванецкий порою уязвим.

Когда он говорит о родном и лично важном, о том, что не целиком открывается чепуху приуроченному взгляду, он перестает быть и остроумцем. Его способ контакта с действительностью не оставляет места лирическому переживанию: атака с дистанции — устав и проклятие жанра.

Однако в его арсенале есть несколько безотказно действующих приемов.

Один из самых выигрышных — упоминательная игра с казенным словом, которое поминутно само об себя спотыкается. Как умеет Михаил Жванецкий строить и опровергать пародийно-бюрократизованные периоды, как ловко соединяет контакты: все по схеме, чин чин, и тут вытаскивается незаметный проводок — бах! — бьет искра, короткое замыкание, и вся цепь летит, куда ей и следовало. «Вся мировая общественность с напряженным вниманием следит за тем, как население огромной страны